

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Хайдарова Гульнара Равиловна

ФЕНОМЕН БОЛИ В КУЛЬТУРЕ

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Санкт-Петербург

2013

Работа выполнена на кафедре культурологии философского
факультета Санкт-Петербургского государственного
университета

Научный консультант доктор философских наук, профессор
Соколов Евгений Георгиевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Грякалов Алексей Алексеевич
Российский государственный педагогический
университет им. А.И.Герцена
(Санкт-Петербург)

доктор философских наук, профессор
Сухачёв Вячеслав Юльевич
Санкт-Петербургский государственный университет

доктор философских наук, профессор
Щербаков Владимир Петрович,
Санкт-Петербургский государственный
университет кино и телевидения

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится « » 20 года в ____ часов на заседании совета Д
212.232.11 по защите кандидатских и докторских диссертаций при Санкт-
Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-
Петербург, ВО, Менделеевская линия, д. 5, философский факультет, ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени
А.М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан « » _____ 2013 года.

Ученый секретарь Диссертационного Совета
Кандидат философских наук А.Е.Радеев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность философского исследования боли связана с постоянно растущим в последние десятилетия интересом специалистов различных гуманитарных дисциплин к боли как культурному феномену, к ее кодированию и декодированию в культуре. Тем не менее, в современной отечественной науке отсутствуют специальные работы, посвященные осмыслению боли.

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению *культурной размерности* боли: этапам выделения ее в самостоятельный концепт, основным социальным функциям и способам представления, — что, в свою очередь, проливает свет на трансформацию ценностей европейской культуры. В контексте данного исследования исходной посылкой является тезис, что человек как культурная сущность не обречен на боль, рассматриваемую как чисто физиологический механизм, регулируемый химико-фармакологическими средствами. «Вызов» боли, состоящий в тотальной и трагической предоставленности ей, может быть принят при условии отказа от традиционной для европейской мысли дихотомии душа/тело и вовлечении в рассмотрение *культурного* потенциала боли.

Философская аналитика боли, таким образом, исходит из историко-культурного и теоретико-культурного рассмотрения процессов концептуализации боли. В работе принимаются во внимание разнообразные исследовательские перспективы — от узкодисциплинарных научных положений до обобщенных художественных высказываний — с целью обозначить культурные черты боли.

Очевидная трудность в рефлексии феномена боли, объясняющая, в частности, недостаток обобщающих работ, связана со сложностью установить дистанцию к нему, с присутствием боли в каждой человеческой жизни и с ее многоаспектным, развернутым на все сферы бытия характером. Бурное развитие и активное вторжение в традиционное поле философии методов историко-культурного и культурологического анализа позволяет поставить проблему понимания боли в контексте теории и истории культуры. Таким

образом, перспектива философского исследования комплексных феноменов, подобных боли, смещается в область аналитики культурных форм. Само понятие боли вписывается в семиотику культуры, предполагает рассмотрение его как социально-культурного конструкта. Важным становится, с одной стороны, выявить культурно-историческую обусловленность восприятия и преобразования боли, принимая во внимание результаты историко-антропологических, социально-антропологических и культурологических исследований последнего столетия; а с другой стороны, исследовать ее в ряду со связанными с ней и столь же сложно концептуализируемыми феноменами, такими как, например, работа, скука, сострадание, чудо, страх.

В свою очередь философская аналитика концепта боли актуальна для специалистов, медиков и психологов, практически работающих над ее устранением, и оказавшихся сегодня в парадигмальном тупике, что обнаруживается в крахе представлений о всеилии химико-фармакологического ее преодоления. Она «просачивается» в повседневную жизнь в виде соматоформных, психогенных, фантомных болей. Что вынуждает специалистов признать настоятельность культур-философского анализа, который выявит механизмы компенсирования, смягчения и устранения боли в культуре.

Данное исследование ограничивается, оставляя без внимания многочисленные, имеющие давнюю традицию и прямое практическое применение рассмотрения боли психологами, психоаналитиками, психотерапевтами, психофизиологами, а также исследователями из области спорта и педагогики.

Как правило, профессионально ангажированных специалистов боль как таковая не интересует, принципиальной общей посылкой здесь выступает жесткая оппозиция боли удовольствию, кнута — прянику, предельных нагрузок и стресса — спортивному достижению. Тем не менее, исследования этих специалистов обладают мотивационным потенциалом, указывая на необходимость выявления в феномене боли культурно-специфических и культурно-инвариантных черт.

И наконец, необходимо упомянуть об актуальности рассмотрения боли в связи с самоопределением, самоутверждением и самовоспитанием человека, которые происходят перед лицом экзистенциально значимых событий, в том числе перед вызовом «обнаженной» боли.

Степень разработанности проблемы

Боль как комплексный феномен, затрагивающий психофизиологический, личностный, культурно-социальный потенциал человека, привлекает сегодня исследовательские силы различных дисциплин и специалистов. Интерес представляет целый спектр эмпирических исследований, имеющих отношение к рассмотрению темы «боль в культуре» и задающих множество аспектов: историков и социологов медицины (К.Бергдольта, Ф.Бьютендейка, В. фон Вайцзеккера, А.Б.Данилова, Ф.Зауэрбуха, Г.Н.Кассиля, Х.Кранца, Р.Лериша, Й.Ляйсса, Р.Рей, П.Риддера, Р.Тёлнера, Л.Фишера, Й.Хирано, Т.Хаверлаха, Д. фон Энгельгардта.), этнографов, социологов и антропологов (П.Буршеля, М.-О.Гонзета, Ж.Ле Гоффа, Р.Гугуцера, Ю.Н.Емельянова, Э.Канетти, С.Коклей, К.Леви-Строса, Х.Липса, Э.Лист, М.Мосса, П.Радина, Я.Таннера, Э.Фишер-Хомбергер). В этих исследованиях имплицитно содержится тезис о разнообразии культурных форм выражения и преодоления боли. Важным для культур-философского исследования представляется также учет лингвистических исследований из-за тесной связи концептуализации боли в культуре и языкового выражения (А.А.Бонч-Осмоловская, Дж.Лакофф, Ф.Оверлах, Е.В.Рахилина, Т.И.Резникова). Трудно оставить без внимания нуждающиеся в обобщенном осмыслении результаты многочисленных исследований боли литературоведами и искусствоведами, специалистами по различным историческим жанрам с узкими временными и географическими рамками (Е.Агацци, К.А.Богданов, Р.Боргардс, С.Бунтрок, С.Крамер, С.Курт, Х.Майер, С.Пинциковски, К.Риддер, К.Ру, К.Флери, И.Херманн, Х.-Й.Шивер, П.Штрошнайдер).

Материалы этих исследований выявляют историческую и жанровую специфику выражения боли. В целом, можно сказать, что специалисты разных эмпирических дисциплин основывают свои исследования и выводы на скрытых

общекультурных и дисциплинарных посылах, выявление которых — дело философской аналитики.

Из современных аналитических подходов к боли выделяются:

1) боль в контексте взаимоотношений тела и души, в том числе обращение к телу в пределах *антропологического* подхода: здесь боль рассматривается как неизбежное состояние, определяющее *condition humana* (Х.Липс, Х.Плесснер, М.Шелер); сюда же, с некоторой натяжкой, относятся работы, акцентирующие в боли человека ее неизбежно телесный, безусловный характер (А.Абрагам, Л.Витгенштейн, Ж-П.Сартр).

2) боль в ряду таких понятий как жестокость, насилие, пытка, телесные наказания, мука, ужас и кара; здесь боль помещается в контекст категорий *этики* или *эстетики* (К.Х.Борер, З.Вайгель, С.Курт, А-Р.Майер, В.В.Савчук, В.Софски);

3) *феноменологический* подход (М.Мерло-Понти, новая феноменология Х.Шмитца, К.Грюни) рассматривает феномен боли в контексте анализа чувственности вообще (А.Оливьер, Я.Слаби);

4) *экзистенциалистско-герменевтический* анализ, (например, обобщающая работа Хайко Кристианца), рассматривает «боль как концентрированный телесный опыт» (радикальный, пограничный), способствующий субъективации и самоидентификации, проявлению самосознания (Ж.Батай, С.Зонтаг, К.Кальб, Д.Кампер, Э.Левинас, В.В.Подорога, Г.Л.Тульчинский, Э.Юнгер);

5) *культурологическое* и *историко-культурное* рассмотрение, посвященное разнообразным экспликациям боли (Д.Ле Бретон, С.Коклей, В.Л.Лехциер, Д.Моррис, Ж-П.Петер, Р.Рей, Э.Скэрри, Я.Таннер,);

6) боль как конституирующий элемент *социального* (как этнографические сюжеты, так и более теоретические работы А.Ванн Геннепа, Э.Каннети, К.Леви-Строса, М.Мосса, Э.Пёппеля, В.Тернера, М.Фуко, и др.). Здесь, как правило, преобладают работы, ориентированные на анализ феноменов жертвы, лиминальных переходов (например, инициации), в контексте которых боль имеет функционально подчиненное значение;

7) боль в контексте *психоаналитических* штудий: садомазохизм, удовольствие от боли, саморанения и самоповреждения (А.Ю.Ветлесен, Ж.Делез, Ю.Кристева, Р.Салецл); здесь боль выступает в том числе как компенсаторный механизм.

Несмотря на изученность отдельных аспектов проблемы боли, прежде всего, способов ее символического кодирования и декодирования (обобщающий труд И.Херманн), налицо сложность аналитики этого комплексного феномена, состоящая в необходимости находить методы опосредованного анализа. Дело в том, что, например, в многочисленных исследованиях феноменов, связанных с болью, таких как насилие (П.Блуа, Ж.Сорель, В.Софски, В.В.Савчук), жертва, мученичество (З.Вайгель, П.Бушель), наказания и пытки в разные исторические периоды (Е.Анисимов), или, другой пример, в попытках декодировать боль в эстетике зачастую отсутствует обращение к концепту боли, осознание эволюции в ее концептуализации, что также обладает значимым объяснительным потенциалом.

В большинстве случаев имплицитным для исследователей является положение об универсальности и инвариантности боли, которое несомненно справедливо лишь в отношении физиологически понятой боли. В философском же исследовании боли стоит проблема выбора основополагающих координат, подходящей сети категорий и методологии исследования. Данная работа старается заполнить эти лакуны.

Цель исследования — рефлексия боли в европейской культуре, прежде всего выделение основных исторических этапов концептуализации боли, выявление тех категорий, в контексте которых боль определяется как культурный феномен.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **задач**:

- 1) выявить в феномене боли наиболее значимые культурно-обусловленные черты, то есть определить ее как культурный

феномен, отказавшись от представлений о «голой» боли, понимаемой исключительно физиологически;

2) проанализировать исторические, культурно своеобразные практики боли, определяющие многообразие возможностей ее выражения и оценки;

3) выявить универсальные, транскультурные и трансисторические, функции боли;

4) установить возможности коммуникации (кодирования и декодирования) боли в европейской культуре;

5) определить специфику европейской практики трансформации боли, характеризующую саму культуру;

6) определить механизмы интеграции боли в современной культуре; обозначить возможности легитимации боли через воспитание (внеконфессиональных и внесловных) практик сочувствия и сопереживания.

Источники

Работа опирается на результаты исследований историков и социологов медицины, литературоведов, историков искусства, лингвистов. Эмпирический материал использован для раскрытия культурного и социального потенциала боли. Из работ, послуживших источниками историко-культурного материала диссертационного исследования, наиболее содержательны работы С.Бунтрока, А.Зибера, Р.Боргардса, Г.Н.Кассиля, С.Курта, Й.Ляйсса, А.-Р.Майер, Ф.Оверлаха, П.Риддера, И.Херманн. Среди работ, посвященных культурологическому анализу феномена боли, признанными являются труды Е.Агацци, К.Х.Борера, Ф.Бьютендейка, Ф.Зауэрбуха, Э.Скэрри, Д.Ле Бретона, Д.Морриса, С.Зонтаг, В.Софски, Я.Таннера, В.фон Вайцзеккера, Ж.-П.Петера, Р.Рей, Д.фон Энгельгардта.

Из философских осмыслений феномена исследование отсылает к позициям Эмпедокла, Анаксагора, Эпикура, Платона, Аристотеля, Августина, Мейстера Экхарта, Терезы Авильской, Р.Декарта, Б.Паскаля, Г.В.Лейбница, И.Канта, Г.В.Ф.Гегеля, С.Кьеркегора, Ф.Ницше, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, М.Фуко, Х.Плеснера, Л.Витгенштейна, Э.Юнгера, Ж.-П.Сартра, М.Мерло-

Понти, Ж.Батая, Э.Левинаса, П.Слотердайка, Д.Кампера и др.; в немалой степени сыграли роль работы классиков культурной и социальной истории, культурологов, теологов: Н.В.Абаева, С.С.Аверинцева, Б.Бобринского, Ж.Ле Гоффа, Э.Канетти, К.Леви-Стросса, М.Мосса, В.Я.Проппа, Й.Ратцингера; а также работы современных философов, обращавшихся к различным аспектам аналитики боли или оказавшим влияние на формирование методологии диссертационного исследования: А.А.Грякалова, Ж.Делёза, А.В.Демичева, С.Жижека, А.Н.Исакова, А.Кожева, В.Л.Круткина, Ж.-Ф.Лиотара, Б.И.Липского, Е.А.Маковецкого, М.К.Мамардашвили, Б.В.Маркова, А.В.Парибка, В.А.Подороги, Н.М.Савченковой, В.В.Савчука, Я.А.Слинина, Е.Г.Соколова, В.Ю.Сухачева, Г.Л.Тульчинского, Ю.Хабермаса, С.С.Хоружего, А.В.Чечулина, Ю.М.Шилкова, В.П.Щербакова; многим интуициям послужили литературные произведения (Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, М.Пруста, Ш.Бодлера, С.Кржижановского, А.Драгомощенко и др.), современные киносюжеты (в частности, таких режиссеров как К.Занусси, Ф.Копполы, Д.Кроненберг, Н.Моретти, А.Прошкин, А.Сокуров, М.Ханеке и др.) а также акционистское искусство, в концентрированной форме предъявляющие художественную рефлексию боли.

В целом, по использованным источникам исследование имеет междисциплинарную ориентированность и базируется на сравнительно-историческом и кросс-культурном подходе к материалу.

Методология исследования включает в себя:

— метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий на основе данных различных гуманитарных дисциплин выявить исторический контекст и временные рамки концептуализации боли в европейской культуре; этот метод как основной в данном исследовании позволяет концептуально-исторически реконструировать феномен боли;

— кросс-культурный подход, позволивший обозначить специфику конкретно-исторической развертки трактовок боли в европейской культуре;

— метод структурно-функционального анализа, выявляющий функции боли и позволяющий в итоге конституировать боль как культурную практику и

как медиум, транслирующий ментальную матрицу определенного историко-культурного контекста;

— метод сопоставления концептов, дающий возможность соотнести боль со скукой, со страхом, с состраданием, с работой или с чудом, что позволяет прояснить специфичность боли как культурного концепта в контексте равнозначных для формирования и трансляции культуры концептов; метод позволяет раскрыть характерные черты самой культуры, в которой складывается концепт;

— понятийно-исторический подход, анализирующий философскую рефлексию боли, выявляющий процессы продуцирования ее смысла в языке и текстах;

— метод экзистенциально-герменевтического дифференцирования, позволяющий различать социальные и культурные, богословские и секулярные, личностные и коллективные аспекты в интерпретации боли;

Научная новизна исследования определяется тем, что:

1) выделены основные исторические этапы концептуализации боли в европейской культуре;

2) продемонстрирована эффективность рассмотрения боли в контексте других культурных концептов, что позволяет проанализировать ее в комплексе многоаспектных и многофункциональных феноменов культуры (как то: работа, сострадание, страх, скука, чудо), не редуцируя ее к предметной сфере прикладных наук;

3) боль представлена как медиум, связывающий тело и душу, конституирующий личность, оформляющий речь и собирающий сообщество;

4) выявлена в качестве основной и универсальной функции боли в культуре функция послания;

5) доказано, что противоположностью боли в современной культуре выступает скука;

6) предложена эффективная стратегия адаптации к боли, включающая готовность к встрече и диалогу с ней;

7) введены в научный оборот данные эмпирических исследований боли;

8) представлены новые литературные и художественные источники, релевантные в исследовании боли.

Результаты диссертационного исследования

1. Представлена историческая периодизация рефлексии боли в европейской культуре, включающая теологический, естественно-научный и социально-антропологический этапы;

2. В соотнесении с феноменами страха, сострадания, скуки, работы и чуда установлены культурно-специфичные черты боли.

3. Установлен сверх-логический характер боли, включающий наряду с вербальным способом ее выражения общий горизонт, связанный с индивидуальной и социальной силой воображения, позволяющий символическое кодирование и декодирование, intersubъективно и контекстуально определяемый, культурно автореферентный.

4. Выявлена универсальная функция боли как культурного феномена — функция послания, предполагающего символическое кодирование и декодирование.

5. Установлена возможность эффективной коммуникации боли через связь с культурно-инвариантной парой страдание-сострадание.

6. Продемонстрирована специфика европейской практики трансформации боли, связанная с нарративизацией и конструированием дискурса боли.

7. Определены основы практического (педагогического, социального) интегрирования боли в культуру и возможности институционализации сочувствия, сострадания, милосердия.

Положения, выносимые на защиту

1) Феномен боли следует анализировать в конкретном культурном и историческом контексте, выявляя близкие ей (замещающие, противостоящие и коррелирующие) в данном культурном контексте понятия: например, боль и работа, боль и страх, или, в современности, боль и скука.

2) Телесная боль в европейском культурном контексте не концептуализируется вплоть до эпохи Просвещения, когда к ней возникает интерес в связи с естественно-научными исследованиями; вплоть до XVII в. она

имеет почти исключительно функциональное значение, например, как способ проверки веры.

3) Исторически концептуализация боли в европейской культуре сводится к 4 этапам, связанным с историей распространения и развития христианства, придающего страданию самостоятельное значение: а) подражание Страстям и история мученичества; б) концептуализация сострадания; в) естественно-научное опредмечивание боли как физиологического феномена и одновременно эстетизация боли в искусстве; г) легитимирование боли и институциализация сострадания, милосердия, *caritas* в секулярной культуре.

4) Основную культурную функцию боли можно свести к медиальной, то есть, —боль является посланием, инициирующим коммуникационную способность, способность разделить ее. Понимание боли как медиума предполагает, что в трансляции боли содержится неотъемлемо также и сообщение о самом медиуме (например, о наличном культурном контексте). Как медиум она и определяется адресатом (другим), и учреждает личность (адресанта), и скрепляет социум.

5) Боль является не в меньшей мере сообщением о самой культуре: способы выражения, трактовки и оценки боли репрезентируют культуру определенного исторического сообщества.

6) История культуры может быть рассмотрена в разрезе истории символизации боли. Через мифологическое, религиозно-теологическое осмысление боли к героизации и сублимированию боли, наконец, к химико-фармакологической и генной трансформации боли в не-боль, что редуцирует ее к «нуль-размерности», превращая в пустой знак в медиализированную эпоху постсовременности.

Научно-практическая значимость исследования состоит в разработке комплексного понимания феномена боли, в определении боли как культурного концепта со своей исторической разверткой. В теоретическом плане диссертационное исследование может служить основой для дальнейших научных исследований феномена боли различными гуманитарными

дисциплинами. Символизация и декодирование боли позволяет в практической плоскости найти как индивидуальное примирение с болью, учитывая что в культуре есть образцы речи о боли, так и примиряет общество и общественное сознание с наличием боли у каждого, что в свою очередь служит воспитанию и культивированию милосердия и сострадания, развитию поощряемых и институционализированных практик сочувствия и сопереживания. Работа может послужить для установления дальнейшего междисциплинарного диалога, синтезирующего достижения гуманитарных и медицинских исследований феномена боли.

Методологическая база исследования может быть использована при анализе других комплексных феноменов культуры, таких как смерть, война, любовь. Материалы исследования могут быть использованы для написания научно-популярных статей, при создании учебных пособий и подготовке учебных программ, для защиты квалификационных работ по философии, культурологии, гуманитарным вопросам медицины и спорта, для научных и практических разработок в педагогике, психологии, практической медицине, в частности в паллиативной медицине.

Апробация диссертационного исследования

Основные идеи, положения и результаты диссертации были изложены в ряде научных публикаций в российских и зарубежных научных изданиях (список публикаций см. в конце автореферата), в том числе в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ для публикации результатов научных исследований. Результаты исследований были представлены в докладах и обсуждались в дискуссиях на международных и всероссийских научных мероприятиях: Международная конференция «Когнитивные стили коммуникации. Теории и прикладные модели» (г. Партенит, Украина, 2004); международная конференция «Философия фотографии» (СПб, 2005); первый международный конгресс «Термины и понятия в сфере физической культуры» (СПб, 2006); Вторая Международная научная конференция «Медиафилософия. Границы дисциплины» (СПб, 2008); международная конференция: «Тело и медиакультура» (СПб, 2008); международная конференция "Europäische

Staatsburgerschaft lernen" (, Германия, 2008); международная конференция «Русская философия в горизонте современного мира» (София, Болгария, 2009); международная конференция „Der Fuß“ (FU Berlin, Германия, 2009); международная школа: «Медиафилософия, медиатеория, медиапрактика» (СПб, 2010); международный коллоквиум «Die postinformationelle Gesellschaft» (FU Berlin, Германия, 2010); международная летняя школа «(FU Berlin, Германия, 2011); международная конференция «Крымская конференция 1945 г. актуальные вопросы истории, права, политологии, культурологи, философии» (г.Симферополь, Украина, 2013).

Суммарно результаты исследования представлены в опубликованной при финансовой поддержке СПбГУ (НИР СПбГУ) монографии «Феномен боли в культуре».

Анализ различных аспектов феномена боли был поддержан в составе нескольких исследовательских проектов РГНФ, РФФИ, НИР СПбГУ, а также исследовательского проекта по заказу Министерства образования РФ: **НИР СПбГУ**: 1) Необратимость медиатрансформаций: тело, сознание, общество; 23.38.183.2011 (исполнитель); 2) Аналитический научный обзор по теме "Феномен боли в культуре"; 23.23.1423.2011 (руководитель); 3) Издание монографии "Феномен боли в культуре" 23.45.277.2012 (руководитель); 4) Поездка в Свободный университет Берлина с целью стажировки в Исследовательском кластере "Язык эмоций". 23.42.563.2011 (исполнитель); исполнитель исследовательских проектов **РГНФ**: 1) № 13-43-93013; 2) 13-03-00075; 3) 10-03-00212а; **РФФИ**: 1) № 13-06-00764; 2) № 08-06-00071-а; **ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры"**, № 8552.

Материал диссертационного исследования использовался при разработке, чтении курсов и проведении семинарских занятий по дисциплине «Философия спорта» (на кафедре философии и социологии НГУ им. П.Ф.Лесгафта, 2004-2009 гг.), а также в ряде учебно-методических программ, представленных Центром медиафилософии философского факультета СПбГУ, для студентов, обучающихся по профилю «Культура медиа» (магистерская программа философского факультета СПбГУ, 2011-2013 гг.). При организации и

проведении научных и просветительских мероприятий: Первого международного конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры» (СПб, 2006), ежегодных, начиная с 2007 г., всероссийских и международных конференций, летних школ и семинаров Центра медиафилософии философского факультета СПбГУ (большинство из которых были поддержаны грантами РГНФ или РФФИ). А также представлен в публичных медиавысказываниях: в лекции в Петербургском философском кафе (2004 г.), в выступлениях в Ассоциации развития образования «Образование человека», в работе интернет-сообществ: «Трансдисциплинарные медико-гуманитарные исследования», «Общество медицинских антропологов России» (в рамках «Ассоциации этнологов и антропологов России») и «Социология инвалидности». Результаты научного исследования используются практикующими специалистами в медицине и психологии, в спорте и педагогике, изучающими пути устранения хронических болевых синдромов, и представлены на всероссийском сайте, посвященном феномену боли (<http://directory.paininfo.ru/expert/haidarova/>).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре культурологии философского факультета Санкт-Петербургского университета 25 января 2013 года. Основное содержание работы изложено в монографии, статьях и в других научных публикациях (41 работа общим объемом около 20 п.л.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, двенадцати параграфов, заключения и приложения, а также списка использованных источников на русском и иностранных языках. Основной материал работы изложен на 341 страницах, список использованных источников включает 273 наименований, из них 103 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** очерчивается круг основных проблем в философском и культур-философском исследовании боли, формулируются основные задачи, обозначаются теоретические границы исследования, здесь же представлена методология исследования.

Первая глава **«Концептуализация феномена боли»** посвящена исторической реконструкции и выявлению этапов концептуализирования боли в европейской культуре.

В первом параграфе **«Боль как культурный концепт»** определяется исторический и аналитический горизонт рассмотрения боли. Как заключают Клаус Бергдольт и Дитрих фон Энгельгардт после первых конгрессов, посвященных исследованию гуманитарных аспектов боли (1996 Венеция, 1998 Кельн), «боль нужно рассматривать не только как *humanum* первого ранга, но и как важный культурный феномен, который придает истории Европы и европейскому мышлению субстанциально другие образы»¹.

Исходя из того, что невозможно дать универсальное определение боли, в параграфе рассматриваются наиболее общие характеристики боли: в сложной комбинации ее аспектов (пассивности, отвержения и обращенности к другому) заложена основа культурной вариативности представлений о ней, многообразия практик ее преодоления и символического кодирования. Попытка выделить боль в простое узкоспециализированное понятие, тем самым задав надежные опоры ее верификации, игнорирует медиальность боли, что ведет к отказу от признания множественности культурных практик боли. Нераздельность боли как содержания личного опыта, специфика которого в отвержении ее, и как послания, смысл которого в привлечении к ней внимания другого, препятствует в свою очередь выделению боли в понятие и объясняет исторически непростой путь ее концептуализации.

Невозможно представить формирование и трансформацию концепта боли без учета этимологических штудий слова. Поэтому в параграфе представлены результаты исследований лингвоконцепта «боль». Трудность концептуализации

¹ Von Engelhardt, D. Krankheit, Schmerz und Lebenskunst: eine Kulturgeschichte der Körpererfahrung / Dietrich von Engelhardt. - München: Beck, 1999. - 193 S.

выражается в том, что в описании боли преобладают метафорические модели, затрудняющие выработку объективных критериев ее верификации. Важным для дальнейшего исследования выводом становится указание на тенденцию к гипостазированию боли в языке, что находит продолжение в субстанциализации боли. Продуктивным результатом этимологического анализа является установление в языке связи боли с работой, тяготой, усилием, напряжением, а также с оценочными категориями «очень», «чрезмерно». Представление о невыразимости боли необходимо дополнить анализом эффективности посланий боли, которая зависит от культуры и принятых в ней типов медиа: в одних культурах, например, важнее крик или звуковое оформление боли, в других образ или вид, в-третьих, в частности в европейской, слово. Таким образом, символизация боли в разных культурах происходит по-разному и необязательно связана с вербализацией, то есть с наделением именем.

Вывод параграфа состоит в том, что история культуры может быть рассмотрена в том числе как история символизации боли: через мифологическое, религиозно-теологическое осмысление боли как судьбы и наказания за грех к концептуализации в естественно-научное понятие, далее к героизации и эстетизации боли, и, наконец, к химико-фармакологическому обезболиванию.

Во втором параграфе **«История рефлексии боли»** представлена историко-философская развертка феномена боли. Боль как предмет философского рассмотрения представляет собой интерес уже потому, что снимает ряд классических для европейской традиции оппозиций: внутреннее/внешнее, активное/пассивное, действие/претерпевание, субъект/объект, означаемое/означающее. Сюда же можно отнести и оппозицию между добром и злом, имея в виду спасительную сигнальную боль, уберегающую от разрушений. Отсутствие боли, напротив, не стоит считать исключительно позитивным знаком – ведь, например, в случае аутоиммунных или откологических заболеваний боль является только вторичным или побочным симптомом. Хотя основой рефлексии боли традиционно выступала

ее оппозиция удовольствию, классическая бинарная схема в случае феномена боли оказывается недостаточной, так как сама боль уже является агонем, она — движущая сила, у которой нет другого полюса, и наслаждение не является противоболью. В конечном счете, согласно Декарту, речь можно вести о «смутном модусе мышления»². Разделение на душу и тело также не будет продуктивным в случае боли, которая если возникает, то вовлекает все бытие человека, втягивает его в свои ритмы. (Например, случай психогенных болей, подтверждающий единство экзистенции). Смысла различать телесную и душевную боль нет в силу их метафорической и метонимической соотнесенности: говоря о боли, мы подразумеваем именно физическую боль. Боль, даже душевная, так или иначе коннотирует с телесным чувством. С другой стороны, страдание как синоним боли, скорее, имеет характер общей, неразделяемой и неизмеримой муки, одновременно и телесной, и душевной.

Более подробно рассмотрены три исторических этапа в европейской рефлексии боли: 1) Античность и средневековая христианская мысль, которые, несмотря на свое очевидное принципиальное различие, в отношении боли могут быть объединены в один этап, противопоставляя боль удовольствию (или благодати); 2) Новое время (прежде всего, ссылаясь на позиции Паскаля и Декарта, Гегеля, Канта и Ницше, наконец Эрнста Юнгера); 3) современное медикализованное общество (учитывая критические работы ряда современных культурологов и философов, непосредственно посвященные боли: Дэвида Ле Бретона, Элайн Скэрри, Дэвида Морриса, Арне Юхана Вестлесена, В.В.Савчука, Г.Л.Тульчинского). Три выделенных этапа, характеризующих осмысление феномена боли в европейской культуре: теологический, естественно-научный, социально-антропологический, - соответствуют общему процессу развития европейской онтологии³, состоящей в переходе от трансцендентной к имманентной и далее к социокультурной онтологии.

² Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом. М.: «Мысль», 1994. Соч в 2-х т. Том 2. С. 65.

³ См. например, Липский Б.И. Онтология «позитивной философии» и эмпириокритицизма. // Основы онтологии. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета. 1997. С. 163.

Третий параграф «Современные дискурсы боли» посвящен аналитическому обзору конкретных эмпирических исследований в гуманитарных науках, акцентирующих культурнообусловленный характер боли. Боль как комплексный феномен, затрагивающий физиологический, личностно-экзистенциальный, культурно-социальный потенциал человека, привлекает исследовательские силы разных дисциплин и специалистов. При интерпретации боли, в своеобразном процессе ее декодирования, — понимаем ли мы ее физиологически как сигнал организма об опасности, культурно-исторически, социологически или терапевтически, — встают вопросы, ведущие к развитию каждый раз своего специфического дискурса, в котором ей отводится особая функция, рассматривается ее особый модус или определенный план ее выражения. Важно представлять возможные и эффективные горизонты рассмотрения боли, не «что» боли, а «как»: каким образом она концептуализируется, как она проявляет себя в разных гуманитарных дискурсах и каким методам анализа подлежит.

В исследовании во внимание принимаются работы историков медицины, антропологов и социологов медицины постольку, поскольку в этих исследованиях выявляется разнообразие культурных форм выражения, терапии и преодоления боли. Еще одним эвристически эффективным ареалом является лингвистический анализ боли. Включение этого дисциплинарного поля исследований важно из-за тесной связи концептуализации боли в культуре и ее языкового выражения. (Медико-социологический и медико-этнографический подходы также прибегают к методам лингвистического анализа). В целом, можно сказать, что специалисты разных эмпирических дисциплин основывают свои исследования и выводы на скрытых «бесспорных» культурных послылках европейской науки, выявление которых, по сути дела, является философской задачей. Богатым источником философского осмысления являются также исследования литературоведов и историков искусства. Например, реконструкция средневекового сознания посредством анализа памятников литературы и искусства, которая позволяет использовать отдельные выводы для представления исторических срезов в понимании боли. Для обнаружения

многообразие языка боли представляют интерес исследования боли специалистами по разным литературным и художественным жанрам. Во многих из них задачей является выявление культурно-исторической специфики восприятия боли по артефактам. Здесь можно выделить два подхода специалистов к артефакту. В одном случае артефакты эпохи (будь то художественные или литературные) принимаются учеными как достоверные свидетельства своего времени и через них подвергают «сканированию» сознание соответствующей эпохи. Во втором к ним относятся как к индивидуальным опыту и воображаемому, проецируя на них свои представления, высказывая свои интерпретации, проверяя свои концепты, которые непременно будут, в свою очередь, конструктами нашей эпохи, нашего мировидения и нашей модели чувственности. Анализ и осмысление скрытых посылок фактографических исследований также является и философской задачей.

Кардинальным для формирования европейской художественной традиции представления боли является изображение Страстей Христовых, в которых есть указание на возвышенный предел страданий человека, героизация и фиксация экзистенциальной трагики обреченного бытия. Во многом периодизация в истории концептуализации боли была задана изображением Страстей. Согласно исследователям-медиевистам (например, работа К.Ру⁴), только с начала XIII века центральным предметом изобразительного искусства постепенно, через возрастающее значение сосредоточения на Страстях, становится само страдание Христа, а не контекст Распятия. «Возникают новые жанры – разыгрывание страстей, визуальная репрезентация, известная как *Andachtsbilder*. Результатом стало экстраординарное распространение воображения Страстей, в котором появлялись все более новые детали мук Христа, доселе неизвестные в христианской традиции»⁵. Позже, в Ренессансе

⁴ Ruh K. *Geschichte der abendländischen Mystik*. 4 Bde., München: Verlag C. H. Beck 1990-1999. Band I: Die Grundlegung durch die Kirchenväter und die Mönchstheologie des 12. Jahrhunderts, 1990.

⁵ Marrow J.H. *Passion Iconography in Northern European Art of the late Middle Ages and early renaissance. A study of the transformation of sacred metaphor into descriptive narrative*. Kortrijk, Belgium: Van Chemmert, 1979.

натуралистический способ представления смягчается, уступая место почти свободному от всяких следов страдания возвышенному образу Христа. Активное обращение к боли в живописи после Ренессанса, когда боль освящается, приобретая квазитрансцендентное качество в своей отсылке к истории спасения, свидетельствует о трансформации представлений о ней, о постепенном формировании концепта. Для такого понимания боли даже в контексте христианства нужно было проделать немалый путь. Воплощение спасительной роли боли можно увидеть и в произведениях, изображающих мучеников.

В целом, вывод главы состоит в том, что боль и страдание – это культурно обусловленные феномены сознания и речи, понимание которых неразрывно связано со всем контекстом. В силу культурно-исторической обусловленности невозможно раз и навсегда изобрести инвариантный конструкт боли и, соответственно, средство от нее. Боль не может рассматриваться и как универсальный концепт, хотя она, безусловно, связана с универсальным носителем – физиологической болью тела. Хотя тело и дано как *condition humana*, но его восприимчивость, его язык, его послания культурно обусловлены. Поэтому в первую очередь нужно говорить о европейской эволюции концепта боли и дискурсов боли.

Вторая глава «**Контекст боли**» сопоставляет боль со связанными феноменами, такими как скука, сострадание, чудо, страх, адаптация. Ориентиром здесь выступает отказ от привычного, но затемняющего суть исследования представления о боли как «плохом феномене». Боль и насилие, боль и наказание, боль и грех – это традиционные пары в европейской культуре. Однако в аналитике собственно боли — представленной не как наказание за грех, не как средство искупления, не как напрасное или несправедливое страдание — эффективным представляется дистанцирование от привычного противопоставления боли удовольствию или благодати. Рассмотрение боли в контексте понятий работы, сострадания, адаптации проливает свет на процессы субъективации, на воспитание сострадания и

внимания к другому, на развитие культурного различия и умения проговаривать боль, возвышая ее в наделении смыслом.

В первом параграфе «**Боль и скука**» выявляется актуальный сегодня противоположос боли - скука. Во-первых, боль сопряжена со скукой через субъективную временную протяженность: боль концентрирует время, а скука его убивает⁶. Как пишет Герхард Небель, последователь Э.Юнгера и ученик М.Хайдеггера, «скука в той же мере результат цивилизации, что и обезболивание. Мы научились с помощью информации — радио, телевизора, видео и компьютера,— только рассеивать ее, но не преодолевать»⁷.

Феномен скуки состоит не столько в избегании боли, сколько в отсутствии решительности, готовности к действию и присутствию в определенной ситуации. Добровольное решение нарушить равновесное (вегетативное) течение вещей требует труда, преодоления боли и вызывает сопротивление вещей. Пустота на «месте устремления» вызывает бесплодную скуку, для которой время не представляет ценности.

Хайдеггер утверждает, что там, где человек берет на себя ответственность, принимает решение, он обрекает себя на труд по его реализации и на страдание. Но кроме того, решимость иначе структурирует время: размечает его, определяет конечные пункты, дисциплинирует. Напротив, отсутствие собственного решения и “облегчение” бытия (бегством в общепринятые решения, в *das Man*) вызывают скуку, о которой Хайдеггер много пишет (например, в «Бытии и времени»). Итак, скука выражается в безмерности времени, в соприкосновении с его пустотой и бестелесностью. И наоборот, боль, труд, забота, сострадание носят конкретный, ограниченный и ограничивающий характер, они уплотняют время, делают его насыщенным.

Во-вторых, на связь боли и скуки можно указать, не вовлекая субъективное ощущение времени, через экзистенциальное самоутверждение и усилие отстоять свободу, как, например, мы встречаем это у Н. Бердяева: «Личность есть боль. Героическая борьба за реализацию личности болезненна.

⁶ И.Кант называет скуку «негативным страданием», а Э.Юнгер пишет о том, что скука ничто иное как растворенная во времени боль.

⁷ Nebel G. Schmerz des Vermissens. Essays. Stuttgart: Klett-Gottat-Cotta. 2000. S. 76.

Можно избежать боли, отказавшись от личности. И человек слишком часто это делает. Быть личностью, быть свободным есть не легкость, а трудность, бремя, которое человек должен нести. От человека сплошь и рядом требуют отказа от личности, отказа от свободы и за это сулят ему облегчение его жизни»⁸. Таким образом, деятельность и боль оказываются связанными, а противоположностью им является скука. Бытие обезболенное – это, в конечном счете, бездеятельное бытие, так как из него изъята активность переживаний человека, и тогда «Dasein становится для самого себя наскучившим, надоевшим»⁹.

Второй параграф «**Боль и сострадание (passio и compassio)**» посвящен анализу истоков современного отношения к боли, которые естественно искать в христианской истории и культуре. Понимание жертвы Богом-Отцом Сына, задающей образец добровольного и свободного решения нести крест страданий всего рода человеческого, создает предпосылки для позитивной оценки страдания. Именно поэтому мифические персонажи (например, Прометей, Филоктет или Марсий) кричат и корчатся от боли, а христианским святым и мученикам должно быть смиренными. По сути дела апология боли в христианстве (и культ мученичества) задается центральной фигурой страдающего Бога, благодаря чему боли в христианстве впервые дан смысл.

Однако в религиозном контексте первых веков христианства следует говорить о сосредоточенности понятия *passio* только вокруг Христа. Это еще не концепт боли, сосредоточенный на всяком человеке и не сострадание как автономное, суверенное чувство человека по отношению к боли другого. Но уже в средневековых христианских мистериях возникает понятие *compassio*, которое соотнесено с жалобами Марии под крестом, и оно нам впервые в западной культуре демонстрирует сострадание — повседневное, вызывающее доверие и объяснимое сострадание матери сыну. На примере средневековых инсценировок Страстей Христовых можно отчетливо увидеть постепенное конституирование сострадания: в отличие от раннехристианской *имитации* страстей мучениками, которая носила исключительно религиозный характер (а

⁸ Бердяев Н. А. Проблема человека. К построению христианской антропологии // Самопознание. Лениздат, 1991, С. 354.

⁹ Heidegger M. Sein und Zeit. 17. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1993. S. 134.

для зрителей была, прежде всего, представлением, — идущим от Античности зрелищем), жалобы Марии вызывали человеческое сочувствие к страданиям матери, потерявшей сына. Если в *Подражаниях Страстям (Imitatio Christi)* мучениками речь в первую очередь шла о преодолении греха и об избавлении от земной тяготы, то есть *Imitatio* разворачивались в «логике страдания-спасения», то инсценирование, погруженное в контекст повседневности, было обращено к опыту каждого и воздействовало непосредственно. И впервые только «*compassio* предполагает как созерцательное, так и практическое разделение страданий Христа»¹⁰. То есть человек христианского мира постепенно, вырабатывая сострадание к себе и своему ближнему, научается и приучается к своей боли и своему страданию. Той же цели «привития» сострадания служит предельно натуралистическое представление телесных страданий, как оно появилось в эпоху Ренессанса, облегчающее чувственную актуализацию и позволяющее возбудить в зрителях максимум сострадания.

Таким образом, о наличии или отсутствии концепта боли в европейской культуре мы можем судить по присутствию сострадания и сочувствия как выраженных секулярных чувств (не требующих «оправдания» верой), нашедших свое преломление в артефактах. Путь секуляризации сострадания, освобождение его от непосредственной соотнесенности с религиозной мистерией, с религиозным опытом, или, как пишет Ю.Хабермас, «секуляризирующее освобождение религиозно замкнутых потенциалов значений»¹¹, — путь европейской цивилизации, легитимирующей и институционализирующей сострадание и страдание.

В продолжение темы институционализации сострадания, третий параграф «**Боль и чудо**» определяется соотношением указанных концептов в христианской культуре. Отталкиваясь от лингвоконцепта «жалость», удастся зафиксировать семантическую близость в языке «боли» и «жалости», что, в том числе концептуально, связывает боль и милосердие. Избыточность милосердия, сострадания, *caritas* восходит к образцу Бога-Отца, к Состраданию Отчому,

¹⁰ Angenendt, A. *Geschichte der Religiositaet im Mittelalter*. Primus Verlag, 2009. – 986 S.

¹¹ Хабермас Ю., Ратцингер Й. *Диалектика секуляризации. О разуме и религии*. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. — 112 с.

состояющему в чуде спасения и воскресения Сына Божьего. В последующем эта матрица воспроизводится в европейской культуре, где сострадание и чудо оказываются тесно связанными. Прообразом избыточной любви, невозвратного дара и чуда является милосердие христианского Бога. Но если в средневековом обществе милосердие выступает высшей добродетелью, стоящей как социальная ценность над справедливостью — вопреки более архаическим принципам взаимобратимости («принцип талиона») или равенства («золотое правило»), — то сегодня избыточное, по сути, *caritas* функционирует уже в качестве обязательного принципа, введенного в социальное устройство и общественные установления.

Итак, в формировании концепта боли и страдания в европейской культуре важная роль отводится состраданию и милосердию: через подражание Страстям и через образец Христа, далее к концептуализации и потом институциализации. Эта последовательность согласуется с исторической схемой, предложенной С.С.Хоружим¹²: в христианской культуре появляются сначала ученики-Апостолы, потом мученики, и наконец, подвижники, — как более зрелая культурная фигура, являющая собственно сознательную концептуализированную форму отказа от себя и разделения страданий с другими. В конце концов, уже в XX-XXI вв. сострадание институциализируется. Социальная система современных христианизированных стран в том числе несет его в себе. Более того, эта секуляризованная форма христианского сострадания уже не нуждается в конфессиональном воспроизведении фундаментальных положений или в религиозном сознании, она воспринимается нами как естественная и универсальная.

Сопоставление боли с чудом определяет исторические границы в концептуализации боли благодаря периодизации чудесного, представленной Ле Гоффом¹³: 1) Эпохе подавления чудесного, относимой к раннему Средневековью, от V до IX вв., соответствует наследуемая из Античности

¹² Хоружий С.С. Очерки синергической антропологии. Институт философии, теологии и истории св. Фомы. М. 2005. С. 191.

¹³ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., Изд. группа «Прогресс». 2001. С. 44-46.

традиция стоического подавления и претерпевания боли, выраженная раннехристианскими мучениками; 2) Эпохе «вторжения чудесного в ученую культуру», XII-XIII вв., связываемой с рыцарским испытанием, подвигом, совершаемым рыцарем в поисках собственной и коллективной идентичности, соответствует, с одной стороны, уже осознанный индивидуализированный страх человека перед болью, с другой стороны, героизация боли отдельными элитными слоями. Именно здесь впервые мы можем обнаружить исток концептуализация боли в культуре, наделение ее словом (этому соответствует в том числе расширение словарного состава, семантического поля «боли»). 3) Следующая эпоха в эволюции чудесного определяется Ле Гоффом как «эстетизация чудесного»: в этот период чудесное все чаще начинает выступать в качестве обрамления, литературно-художественного приема, стилистического изыска. Соответственно, в эпоху барокко и позже в Романтизме можно отчетливо зафиксировать литературно-художественное преломление боли: сначала в живописи, затем в литературе. Для фиксации современной нам 4) постсекулярной эпохи — эпохи институциализации боли, страдания и сострадания — в диссертации привлекаются примеры художественной рефлексии времени.

Установление отношения к чуду как противовесу страданий тела выявляет специфику европейской культуры, ориентированной на очищение страданием. Добровольное испытание болью в практиках дисциплины и аскезы служит делу познания Бога и самопознания, выполняет функцию укрепления личности, становится точкой кристаллизации субъективности, но и одновременно является эффективным способом остановки привычного функционирования социального мира и течения жизни. Эти практики образуются «сверх» необходимого — тем самым всякому «голому» страданию (необходимости), подставленности и обреченности боли задан трансцендентный горизонт. Будь то самопожертвование ради сопричастности страданиям Богочеловеку, как у христианских мучеников, будь то самоиспытание героев в духе модерна, — суть их в противопоставлении природному, естественному и неосмысленному (без-Духовному и без-

Благодатному в случае верующих) течению вещей, в человеческом стремлении к сверхъестественному. Боль очистительна и воспитательна в той мере, в которой она для человека не «голая», естественная, «логичная» боль (как у заболевшего), но поскольку она сверх-естественна, наделена иным порядком и *воплощает* надежду человека на абсолютно Иное или трансцендентное. Средокрестие христианского страдания, соединяющего безмерную муку со сверхмерным чудом прощения и милосердия, может противостоять пустоте и скуке современной жизни. Индивидуальная добровольная или социальная (ритуальная по сути дела) обязанность претерпевания боли образует противовес предельному отчаянию, возникающему в разрыве привычного безопасного бытия. И хотя боль не гарантирует чуда спасения или бессмертия, а страдание как самоцель бессмысленно, тем не менее, боль и страдание указывают на сопряженные им избыточные, сверхмерные и невозвратные прощение, сострадание, милосердие, любовь, и иначе размечают коммуникативное пространство.

Вывод параграфа в том, что чудо и боль в европейской культуре связаны по признаку их подобия — по сверх-естественности, а значит и сверх-логичности. Это «сверх» не *Deus ex machine*, разрешающий узел проблем, но то «сверх», которое конституирует боль как культурный конструкт и наделяет ее смыслом, когда она невыносима. Это «сверх», не отрицая неизбежность «голой» боли, открывает неизбывную ранимость и способность к состраданию. Таким образом, в культуре есть зазор, который позволяет каждому человеку или сообществу доопределить это «сверх», что значит, выбрать приемлемую меру боли и сострадания.

Четвертый параграф **«Коммуницируемость боли»** посвящен социальному характеру боли. Если о боли нельзя *знать*, а ее можно только *иметь* (Л.Витгенштейн), то боль становится неопределенным и некоммуницируемым феноменом. Интенция параграфа в том, чтобы показать, что несмотря на эту парадоксальность ее невыразимости, при неравнодушной встрече с болью другого мы всегда уже вовлечены в коммуникацию, принуждены культурой реагировать (соучаствовать). И вопреки трактовкам об

асоциальности боли из-за ее «не-вчувствуемости» (например, Драйцель¹⁴), хотя мы действительно не можем непосредственно соотнести себя с переживанием чужой боли, но мы уже подготовлены к «разделению» боли другого всей европейской культурой, содержащей в себе и транслирующей образцы сочувствия и сострадания, и культивирующей опосредованное сопереживание другому через сопереживание Богочеловеку, принявшему на себя страдания. При справедливости дифференцирования «двух великих культур Запада: культуры христианской веры и культуры секулярной рациональности» (Й.Ратцингер), последняя не только не является универсальной, но и во многом определена историей христианства. Картография страданий задает сам регламент европейской рациональности¹⁵.

Немаловажно также, что коммуницируемость боли определяется всем контекстом европейской формы рациональности, которая состоит в способности утешения через нарративизацию страданий. Если мы говорим о сострадании и сочувствии как наиболее явных и непосредственных формах признания боли и учреждения концепта боли, то с другой стороны, сама речь о боли в контексте признания другого и внимания к нему (нарратив боли, в том числе рассказанная ее история) формирует социальные практики в отношении боли: ее символическое преобразование, смягчение, утешение, компенсацию. И хотя мы не можем однозначно верифицировать боль другого, но можем вместе ее осмыслить и вербализовать¹⁶. В этом состоит «разделение» или коммуницируемость боли. Социально разделенная, признанная сообществом

¹⁴ Dreitzel, Hans Peter. Leid // Stichwortartikel in: Ch. Wulf (Hrsg.) Vom Menschen. Handbuch der Historischen Anthropologie, Belz. 1997. S. 859.

¹⁵ На укорененности новоевропейской рациональности в христианской культуре указывает, в частности, в своей работе А.Кожев, считая, что именно догмат о воплощении, отличающий христианскую теологию от других теологий, ответственен за развитие современной науки. (Кожев А. Христианское происхождение науки//Атеизм и другие работы / Пер. с фр. А.М. Руткевича. и др. - М.: Праксис, 2006. С. 424.)

¹⁶ На неразрывность европейского рации со Словом указывает в частности Йозеф Ратцингер, обращаясь к новозаветной трактовке Логоса: «Бог действует через Логос. Logos означает одновременно разум и слово – разум, который является сотворяющим и способен сообщаться, но именно как разум». (Ратцингер Й. Лекция Папы Римского в университете Регенсбурга», <http://readr.ru/yozeff-ratcinger-lekciya-papi-rimskogo-v-universitete-regensburga.html>)

боль переживается легче, а надделение ее смыслом происходит только в совместной практике.

Вывод параграфа состоит в том, что если чужие страдания нас трогают, соотносятся с нашими страданиями, то это именно результат культурного усилия и социального признания. Из этого следует, например, что современные медиавоспитание и медиаобразование наряду с присущей им информатизацией своих субъектов и технологизацией процессов обучения, должны ставить сознательной задачей провокацию сочувствия и сострадания.

В пятом параграфе «**Боль и страх**» прослежено, как боль может быть встроена в ряд экзистенциалов. Здесь в качестве отправной точки берутся предложенные М.Хайдеггером экзистенциалы, которые характеризуются как одновременно «размыкающие и размыкаемые расположения» Dasein. Основа для отнесения боли к экзистенциалам, подобным страху и заботе, состоит в том, что боль, равно как и страх, ставит сознание перед лицом конечности собственного бытия. Однако путь западной культуры состоит в своеобразном отказе от философской аналитики боли, тогда как страх становится предметом рефлексии и активно вводится в дискурс со всем прилегающим рядом — грех, вина, наказание (например, у С.Кьеркегора). Этот отказ от рефлексии боли в немалой степени связан с христианскими коннотациями. Христианство при концептуализации боли выступает двойственно: с одной стороны, боль в силу выдвижения христианством страдания на первый план, перестала быть «голой» данностью, «чистой» обреченностью телесным мукам. А с другой стороны, дистанцируясь от христианства как религии, философия избегает анализа боли и страдания как христианизированных феноменов. Одновременно с М.Хайдеггером об обнажающем бытие феномене пишет Э.Юнгер, но таковым для него является телесная боль. Если у Хайдеггера со страхом связано бегство от ответственности, приводящее к повседневному озабоченному существованию, то у Юнгера — бегство от боли, приводящее к цивилизации комфорта и скуке.

То же самое можно увидеть в исторической перспективе: боль и страх часто переплетены до неразделимости, например, в древних скандинавских

сагах¹⁷, но страх в европейской культуре концептуализируется раньше боли. Поэтому у нас есть основания усматривать в культурном комплексе «страх» аспект боли, или даже подмену боли страхом. Например, у Конрада Вюрцбургского в «Троянской войне» герой Геракл демонстрирует страх в ситуации, когда речь, очевидно, должна идти о боли: в рассказе Филоктета о Геракле происходит терминологическая интеграция неопишуемого страха с подробным описанием мук, причиняемых Гераклу ядовитой рубашкой. Геракл у Конрада Вюрцбургского воплощает суровость наказания за грехи. Описание насильственной смерти Геракла соотносятся с тем горизонтом опыта, в котором «представления о телесной боли, религиозном наказании и страхе непосредственно и нераздельно связаны друг с другом»¹⁸.

Итак, близость боли и страха требует аналитической рефлексии, суть основных вопросов которой состоит в том, почему, с какой целью и с каким функциональным назначением в культуре происходит их смешение или интеграция. И такое дифференцирование приобретает практическое значение: например, избавляя от страха, можно избавить человека от боли, или наоборот, проговаривая боль, избавлять страх.

В шестом параграфе «**Боль: признание и адаптация**» определяется один из возможных эффективных путей преодоления боли в современности. Несмотря на ее чуждость образу успешного существования и утвердившийся в европейской культуре отказ от нее, в том числе из-за коннотаций со страхом, есть принципиально иной путь для преодоления боли, проходящий в обход дихотомий враг/друг, тело/сознание. Он связан с особым по сравнению с работой, чудом, скукой, даже страхом, характером боли: с признанием факта ее неотъемлемости от бытия. И стратегия поведения по отношению к ней связана с «приручением» и «освоением» ее, с индивидуальной адаптацией к ней. Психотерапевты, работающие с болью, утверждают, что сопротивление и

¹⁷ Buntrock, Stefan. "Und es schrie aus den Wunden" : Untersuchung zum Schmerzphänomen und der Sprache des Schmerzes in den Íslendinga-, Konunga-, Byskupasögur sowie der Sturlunga saga / Stefan Buntrock. - München : Utz, 2009. - 397 S.

¹⁸ Sieber A. Die angst des Herkules. // Codierungen von Emotionen im Mittelalter / Emotions and Sensibilities in the Middle Ages / hrsg. von C. Stephen Jaeger ; Ingrid Kasten. - Berlin [u.a.], de Gruyter, 2003. S. 229.

боязнь неприятного лишь усиливают боль. Адаптация, рассмотренная как самостоятельный процесс, не предполагает выбора между оценочными характеристиками и непреложности оппозиции: активность/пассивность, сила/слабость, и внешнее/внутреннее, действие/претерпевание. В этом смысле она отвечает комплексности феномена боли. Внимание к телу, к его витальной силе, «инстинкту роста» является важным шагом, сделанным еще Ницше, на пути развенчания “добродетельности” европейского духа¹⁹. Ницше впервые, с одной стороны находясь в оппозиции к Ч.Дарвину, с другой — к нововременной традиции приоритета разума и рефлексии, признал сложность телесной организации, своеобразную способность мыслить телом. Именно адаптация как более древняя и телесно ориентированная способность оказывается наиболее уместна в столь критической и комплексной ситуации, каковой является боль.

В целом, вывод главы состоит в том, что эффективным в аналитике боли является, в соответствие с ее парадоксальностью и комплексностью, корреляция со столь же сложными и культурнообусловленными феноменами, как то: скука, страх, работа, сострадание, адаптация, — с которыми боль представляется возможным соотносить по экзистенциально, социально или культурно значимым параметрам.

Третья глава **«Представления боли»** посвящена исследованию культурных практик репрезентации и символизации боли, позволяющих отреагировать на нее и компенсировать ее. В ряду исследований, направленных на изучение нарративной структуры эмоций и социального конструирования чувств, одна из наиболее привлекательных тем связана с поэтикой боли. Для понимания культурного представления боли продуктивным является

¹⁹ Сегодня утверждение о значимости в духовных практиках телесного опыта стало общим местом. Например, историк религии Роберт Белла убежден в том, что «религия – это телесная практика. Я принадлежу к традиции, в которой центром богослужения является таинство евхаристии. Но причастие — это физический акт» (Ген веры. Беседа социолога Ханса Йоаса с историком религии Робертом Беллой // Отечественные записки, 2013. № 1 (52).)

установление связи между воображением и телом²⁰, поскольку именно концепт боли, связанный с коллективным и индивидуальным воображаемым, задает как модели восприятия и переживания, так и способы символического кодирования и декодирования боли.

От логической невозможности схватить боль в универсальное понятие следует обратиться к возможности эстетической. Культура насыщена литературными и художественными изображениями боли при любых исторических трансформациях и смене значений концепта боли: от трагизма в изображении войны и насилия, до сюжетов, намеренно усиливающих силу/слабость перед лицом боли, задевающих за живое и ужасающих, восхищающих или вызывающих отвращение. Вне всякой зависимости от жанра все это должно воздействовать, через способность воображения, на наши «политики тела», заставить мысленно пережить, и тем самым, сформировать культурный ресурс, вписать в нашу индивидуальную память культурный опыт, в том числе опыт преодоления боли²¹.

Первый параграф «**Боль как истина присутствия**» состоит из трех разделов, каждый из которых связан с демонстрацией эффективных способов трансформации боли в процессе самовоспитания, самоконституирования, формирования собственной идентичности. Боль выступает здесь «пробным камнем» личности, становится своеобразным топосом субъективации, то есть рассматривается в качестве экзистенциального феномена, одновременно и раскрывающего личностный потенциал, и раскрываемого в творчестве этой личности. Невозможно рассматривать концепт боли вне связи с концептом личности, которая формируется в европейской культуре: вне личностной позиции нет персонального права и обязанности к боли как ответственного

²⁰ См. например, работы Дитмара Кампера о связи воображения и мышления: Кампер Д. Тело. Насилие. Боль. / Идея проекта, составление и общая редакция переводов - В.В. Савчук. СПб.: Изд-во РХГА. 2010.

²¹ В главе выбраны для примера те культурные представления, которые так или иначе раскрывают концепцию боли, расширяют горизонт ее понимания. Хотя здесь возможны дополнения по выбору литературных и художественных образцов, исключаются все же назидательные, эксплуатирующие ряд грех-вина-наказание, или же взывающие к справедливости, осуждению, праведному гневу, ибо в них неизбежно есть односторонность пафоса, или же откровенно порнографичные (вожделенное изображение своей или чужой боли). Исключены также случаи, когда изображение боли выступает средством наиболее быстрой интенсификации восприятия и легким способом задеть за живое.

принятия ее на себя. Если боль (или в общем смысле страдание, добровольно принятое Христом во искупление, в отличие от Иова, подвергнутого испытаниям Богом) как сугубо человеческий феномен приобретает особый смысл в культуре Запада, то в свою очередь концепт страдания вносит существенный вклад в формирование европейского индивида. При этом проблема самовыражения личности надолго отодвигает в сторону проблему конституирования другого. Но утверждение «права на боль» (Э.Левинас)²² происходит только перед лицом другого, перед которым можно исполниться болью и в котором востребована обязанность сочувствия и милосердия. Конституирование другого — но не в форме alter ego — необходимое условие, с одной стороны, обоснования нашего сочувствия и, с другой стороны, обоснования нашего права на боль.

Первый раздел связан с сублимацией и представлением боли, воплощенной в фигуре Денди, которая отсылает к именам Джорджа Брайена Браммелла, Шарля Бодлера, Оскара Уайльда, Марселя Пруста, Штефана Георге, Эрнста Юнгера, которые, независимо от своих позиций и мировоззрения, отличались дистанцией по отношению к «голой жизни». В дендизме находит выражение стремление к «очищению» от всего природного и к *представлению на сцене*, даже к театрализации. Боль становится добровольной, самовольным решением, своего рода обязанностью, так же как это было (в эпоху до концептуализации боли), например, для воина, для члена мужского ордена или союза: «Но в боли так мужает мужество смертных, что от нее — боли — оно получает свой центр тяжести. Он удержит смертных при всех колебаниях в покое их существа»²³. Нельзя не признать, что в обязывании себя к боли есть вызов, проявление воли, сопротивление естественному избеганию неприятного. Боли отводится роль «совести тела, а в искусственном обезболивании можно увидеть уклонение от ответственности»²⁴.

Во втором разделе рассматривается интермиттность (перемежаемость) боли, которую проблематизировал в своем творчестве Марсель Пруст. В

²² Левинас Э. *Время и другой*. СПб, Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 67-73.

²³ Хайдеггер М. *Слово* // М. Хайдеггер. *Время и бытие*. М., «Республика», 1993. С. 311.

²⁴ Jünger E. *Das Abenteurliche Herz. Erste Fassung. /Saemtliche Werke. Bd. 9. Stuttgart. S. 216.*

романах Пруста важным событием самоконституирования становятся «перебои сердца», *intermittence*. Если состояние актуальной боли, заслоняющей весь мир, можно считать инвариантной «голой данностью», то *превращения* боли в письме и речи выводят ее на сцену. События интермиттентности по закону подобия становятся истоком индивидуального поиска и одновременно *представлены* в произведении.

В третьем разделе, связанном с творчеством Эрнста Юнгера добровольная боль уже не служит ни *представлению на сцене*, как было для денди, ни событием учреждения личности автора и произведения, как было у Пруста, а становится истоком формирования уникальной рефлексивной позиции и ценностной ориентации. Боль у Юнгера и обладает спасительным потенциалом, и выступает мерилом личности, и становится мерой культуры и общества: отношение к боли транслирует нам ценности культуры и человека.

На последней идее базируется второй параграф «**Боль как медиум**», в котором она интерпретируется как своеобразный посредник, содержащий в себе палитру рецепций в конкретной культуре. Боль является посланием, и как таковая она инициирует коммуникацию. Функция этого послания в том, чтобы пробудить в другом способность услышать, способность сострадать и сопереживать. И случай хронической боли, дающий повод к коммуникации, и случай инициации или коллективного преодоления боли в архаической культуре (или в субкультуре) демонстрируют, что именно боль «онтологически» выступает медиумом (почвой) коммуникации, то есть связывает культуру, соединяя с Другим. Разделенная боль становится языком²⁵, который можно декодировать, даже если это только крик и жест, мимика и движения тела. В этом смысле она — наиболее сильное средство для привлечения внимания.

²⁵ Неслучайно то, что в своей интенционалистской философии языка, Пол Грайс, демонстрируя стадии формирования языка из «натуральных знаков», обращается к боли, чтобы показать, что коммуникационное намерение концептуально первично, а стабильное конвенциональное значение языковых выражений вторично. Боль, представленная как медиум, скорее подобна языку, а сформированный язык позволяет концептуализацию боли, сострадания, милосердия.

Для демонстрации основополагающей функции боли как послания автор диссертации обращается к современному, крайне наглядному художественному направлению – к искусству перформанса, являющему собой актуальную форму художественной рефлексии социума и культуры. Свидетельства перформансистов позволяют сделать вывод, что для современника редуцированная к «голой» данности боль утрачивает свою медиальную функцию, способность взывать к другому. Отказ от медиальности боли — объединяющей человека и социум, скрепляющей само сообщество и содержащей в себе весь культурный контекст — происходило постепенно: с выделением ее в понятие, заданием ее определения и способов верификации, то есть в процессе объективирования боли и выработки химико-фармакологических путей ее устранения.

Несмотря на то, что существует множество функций, которые выполняла в обществе боль в разные исторические эпохи, - в зависимости от культурного контекста боль выступала предупреждением, наказанием, проверкой, могла быть жертвой или средством душевного совершенствования, служила самопознанию и самоудостоверению, -- нельзя сказать, что сама по себе боль ничего не *представляет*²⁶. Тем не менее, правомерно выделить универсальную, транскультурную и трансисторическую, функцию боли как послания, сообщения, востребующего внимания Другого. Итак, вывод параграфа в том, что продуктивно в прикладном и в спекулятивном плане в том числе исходить из единственно неотъемлемой функции боли — связывать людей друг с другом, через отнесенность к Абсолюту или непосредственно в разделении боли и в сочувствии.

Третий параграф **«Боль как культурная практика»** представляет действенные механизмы культуры в проигрывании боли. Трансформация боли как культурная практика осуществляется «на сцене», предполагает Другого. Как сложный феномен боль балансирует между практикой и посланием: мы смягчаем боль с помощью принятых культурных практик, социальных и индивидуальных, и в свою очередь боль служит конституированию

²⁶ Sofsky W. Traktat über die Gewalt / Wolfgang Sofsky.-Frankfurt am Main: S. Fischer, 1996. - 237 S.

социального. Рассмотрение в такой перспективе удерживает два ее аспекта: чистую феноменальность, данность опыта боли, и наше культурное, индивидуальное или социальное, усилие по символизации и декодированию, по *превращению* нашей обреченности боли. Бытие человека между двумя полюсами, -человек *есть* тело и *обладает* телом (Х.Плеснер), - особенно наглядно выявляется в случае с телесной болью, которая, хотя и имеет физиологическую основу, но в плане переживания, выражения и общественных функций представляет собой культурную практику. Наличные в культуре концепции боли задают каждый раз специфичные практики боли. Физиологическая или психическая, внутренняя или внешняя, причиненная или причиняемая, в конце концов, означаемое или означающее, — боль в конкретной культурной практике каждый раз заново переосмыляется.

Сегодня с утратой трансцендентного измерения, в ситуации иконического поворота в культуре, провоцирующего демонстрацию и инсценирование здоровья и внешней «стильности» облика вместо традиционной «заботы о себе», боль становится одномерной, а ее устранение редуцировано к блокированию физиологического механизма восприятия. Это касается и психологического аспекта, когда речь о душевной боли, которую в современной культуре не избывают, а изгоняют (не говоря уже об антидепрессантах и стимулирующих/успокаивающих средствах, есть целая армия психологов и психоаналитиков, точно знающих, как блокировать душевную боль и не дать ей времени и возможности быть постепенно изжитой). Культурные практики боли со всей их направленностью на то, чтобы декодировать послание боли, разделить боль с другим и укрепить общностью переживания социальный контекст, уступают место стратегиям подчинения и контроля боли, манипулированию и управлению ею.

В заключении параграфа рассмотрена семиотизация (в том числе, нарративизация, естесетвенно-научное опредмечивание) боли в европейской культуре, которая становится наиболее отчетливой в сопоставлении с буддийской традицией онтологизации страдания. В основе постоянного процесса семиотизации боли лежат три особенности европейской культуры:

дихотомический способ мышления; идея антропоцентризма, полагающая исключительность и своевольность человеческого разума; целерациональность и любовь к самостоятельному поиску мудрости.

Итак, боль как концепт и как культурная практика может иметь место и быть репрезентирована только в пределах признающего ее культурного контекста. Если ошибочна апелляция к боли как универсальному и непосредственному феномену (человек может ее не чувствовать, а может чувствовать необоснованно), то все же можно говорить об универсальности ее социальной функции: она предполагает другого и является посланием.

Вывод главы в целом состоит в том, что хотя следует принимать во внимание значение боли в процессах конституирования и самопрезентации личности и сообщества, но основная функция боли заключается в том, что она является медиумом, и как таковая сохраняет свой потенциал как критерий истинности, подлинности, адекватности коммуникации. «Словесное выражение боли замещает крик»²⁷, — считает Витгенштейн. Но можно сделать более широкое утверждение: любое выражение боли – больше, чем крик, оно одновременно является социальной функцией, культурным посланием и культурным резервуаром; оно сохраняет социум и конституирует индивида, устанавливает транс-культурную и транс-историческую связь. Феномен боли, культурный концепт боли и ее представление — это три взаимосвязанных компонента, рассмотренные, соответственно, в трех главах исследования, хотя и не всегда отчетливо можно разделить феноменальную, культурную и семиотическую составляющие.

В **«Заключении»** подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Диссертационное исследование содержит приложение с выдержками из современных медицинских компендиумов по боли. Здесь кратко представлены естественно-научные транскрипции боли: прежде всего, определения боли и классификация видов боли в медицине; механизмы формирования болевого ощущения в физиологии; изложены общие принципы лечения боли и

²⁷ Витгенштейн Л. *Философские исследования*, № 244-246.

клинические критерии измерения боли; междисциплинарные гипотезы в понимании феномена боли.

Основные публикации по теме диссертации:

Монографии:

Феномен боли в культуре. СПб, Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. – 20 п.л.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Соппротивление философии // Новое литературное обозрение. 2004, № 65. С. 431 – 438. (0,4 п.л.)
2. Боль как истина присутствия. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6, вып. 3. С. 3-15. (В соавторстве с В. В. Савчуком). (0,9 а/л.)
3. Эпистемология фотографического образа // Эпистемология и философия науки. 2008, № 2. С. 183 – 187. (0,6 а.л.)
4. MEDIUM боли // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия Философия. 2010. № 3. Том. 2. С. 200-207. (0,5 п.л.)
5. Боль // Философские науки. 2010, № 6. С. 146-148. (В соавторстве с В. В. Савчуком). (0,4 п.л.)
6. Болезненная страсть к здоровью, или как адаптироваться к боли. // Обсерватория культуры. 2010, № 6. С. 33-37. (0,5 п.л.)
7. Феномен боли в европейской и русской философии. // Омский научный вестник. 2011, № 4(99). С. 88-91. (0,9 п.л.)
8. Боль в медиареальности. // Вестник Омского государственного университета. 2011. № 3. С. 41-44. (0,7 п.л.)
9. Боль как сострадание. // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2011. № 6. С. 29-32. (0,5 п.л.)
10. К проблеме трансформации боли в культуре. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 6, вып. 2. С. 17-24. (0,4 п.л.)

Публикации в иностранных изданиях:

1. Everything to us // Kwartalnik Fotografia. 2005, Nr 18. P. 112 – 113. (0,4 п.л.)
2. «Ost und West: phaenomenologischer und Zeichen-Charakter des Schmerzes» // Der Schmerz und sein Sinn: Tagung am 05.11.05. Gemeinsame Tagung des Vinzenzkrankenhauses und des Forschungsinstituts für Philosophie. Hannover, 2005. S. 31-33.
3. Corridor / Pasajes // OjodePez: Russia: Tell me your story! (Алик Якубович концепция / редактор номера Ирина Чмырева). Ноябрь-декабрь. 2007. P. 50 – 55. (0,4 п.л.)

4. Digital Image and MediaReality: Problems of Media-philosophy // Imago. 2008., № 25/26. P. 156 – 157. (0,4 п.л.)
5. Семиотизация боли // Бехтеревски търсения. Списание за социалните измерения на медицинските проблеми. Том 3, София (България). 2013. (0,5 п.л.)

Публикации в российских изданиях:

1. Перебои сердца (Критика критики В.А.Подороги) // Измененные состояния сознания. / Под. ред. А.К. Секацкого. СПб., 2006. С. 166 – 176. (1 п.л.)
2. Продуктивность боли в процессе самовоспитания // Философско-педагогическая антропология: истоки, проблем, перспективы. / Под ред. О.М.Ломако. Саратов, 2006. С. 73 – 84. (0,7 п.л.)
3. Боль и наслаждение. // *Mixtura verborum* 2007. Сила простых вещей. Самара, Изд-во Самарской гуманитарной академии. 2007. С. 122-142. (1,7 а.л.)
4. Какая философия нам нужна? // Вестник Философского общества. 2007, № 2. С. 25 – 27. (0,4 п.л.)
5. Медиа как предмет философии // Вестник Российского философского общества. 2008, № 1 (45). С. 28-33. (0,5 п.л.)
6. К вопросу о европейской идентичности // Панорама Евразии. Научный, общественно-политический журнал. 2008. №. 4 (4). С. 31 – 33. (0,7 п.л.)
7. Фотографический универсум Вилема Флюссера. Послесловие // Вилем Флюссер. За философию фотографии. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 109 – 145 (в соавторстве). (2 п.л.)
8. Боль тела: восточная и западная парадигма // Панорама Евразии. Научный, общественно-политический журнал. 2008, №. 2. С. 62 – 72. (1 п.л.)
9. Время медиатехнологий: боль и скука // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. / Под. ред. В.В. Савчука СПб., Изд-во Санкт-Петербургского философского общества. 2008. С. 219 – 228. (0,6 п.л.)
10. Семиотизация боли. // Миссия интеллектуала в современном обществе. (Приложение к Вестнику СПбГУ; Сер.6). СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. С. 470-485. (1 п.л.)
11. «Физическая культура и спорт»: Анализ социальных процессов // Вестник РФФИ. 2008, № 4 (60). С. 17-20. (0,5 а.л.)
12. Боль // Энциклопедический Словарь «Современная западная философия» / Под редакцией О. Хёффе, В.С.Малахова и В.П.Филатова. М., 2009. С. 124-125. (В соавторстве). (0,25 а.л.)
13. Боль в эпоху медиатехнологий. // Панорама Евразии. 2011, № 1. С. 61-64. (0,5 п.л.)
14. Об актуальности философии и культурологии спорта // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012, № 1. С. 167-170. (0,4 п.л.)

15. Фрагменты юнгероведения. // Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика: коллективная монография / Под ред. В.П. Макаренко. Ростов н./Д., Изд-во Ростиздат, 2012. С. 381-399.
16. Феномен боли в культуре и боль как функциональное расстройство // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / под общ. ред В.Л. Лехциера. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2012. С. 85-93. 1 п.л.
17. Неопределенность боли: между практикой и посланием // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика / коллективная монография под ред. Кристофа Вульфа и Валерия Савчука. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 194-200 (0,5 п.л.)

Тезисы докладов на международных и всероссийских конференциях:

1. Дискурс боли как форма коммуникации // Когнитивные стили коммуникации. Теории и прикладные модели. (Сборник докладов международной конференции 20 – 25 сентября 2004 г.), г. Партенит, Крым. Симферополь, 2004. С. 117 – 120.
2. Актуальность буддийского дискурса о страдании // Международная научная конференция «Буддизм в контексте диалога культур», 25-26 мая 2006 г. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии. СОРАН, Министерство образования и науки республики Бурятия. Улан-Уде.
3. Возможна ли фиксации боли в фотографии. Доклад на конференции «Философия фотографии» // Отчет о работе конференции «Философия фотографии». Философский факультет, СПбГУ, 16-17.09.05. Credo New. Теоретический журнал. 2005, № 4. С. 205 – 206.
4. Феномен боли в восточной и западной культуре // Общечеловеческое и национальное в философии. Тезисы IV международной научно-практической конференции. Бишкек, 2006. С. 232 – 235.
5. О пользе понятия «перформативность» в дискурсе философии спорта // Доклады Первого международного конгресса «Термины и понятия в сфере физической культуры», 20-22 декабря 2006 года, Россия, Санкт-Петербург. СПб., 2007. С. 395-396.
6. Философия спорта: проблемы конституирования дисциплины // Физическая культура и спорт: анализ социальных процессов. Материалы международной конференции 24-27 сентября 2008 года. СПб., 2008. С. 222-227. (0,4 а.л.).
7. «Боль в русской культуре» // Международная конференция «Русская философия в горизонте современного мира». София 14-17 июля 2009. Софийский университет им. «Св. Климента Орхидского». (Болгария).
8. Социальная боль как источник наркозависимости. // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и нелегального оборота наркотиков: материалы международной научно-практической конференции (5-6 апреля 2012 г.) В 3 ч. Часть I. / Отв. ред. Д.Д. Невирко. Красноярск: СибЮИ ФСКН России, 2012. С. 157-159.

9. Боль расчлененной Европы. // Крымская конференция 1945 г. актуальные вопросы истории, права, политологии, культурологи, философии// Симферополь (Украина), 2013. С. 58-63.

Публикации в интернет-ресурсах:

1. Боль в культуре. Подходы, концепции, комментарии. Аналитический обзор. // <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/science/reviews/Haidarova%20G.R.%20Fenomen%20boli%20v%20kul%27ture.%20Nauchnyi%20analiticheskii%20obzor.pdf>
2. Medium боли // http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/mediafilosofiya-mezhdisciplinarnoe-pole-issledovan/11694-medium-boli.html
3. Феномен боли в европейской культуре. // <http://directory.paininfo.ru/expert/haidarova/>
4. Продуктивность боли в процессе самовоспитания. // <http://directory.paininfo.ru/expert/haidarova/>
5. Семиотизация боли. // <http://directory.paininfo.ru/expert/haidarova/>
6. Время медиатехнологий: боль и скука. // <http://directory.paininfo.ru/expert/haidarova/>
7. Боль расчлененной Европы// http://krim-konference.at.ua/load/teksty/stati_tezisy_zametki/yalta_conference_1945_actu_al_issues_of_history_law_studies_political_science_culture_studies_and_philosophy/10-1-0-31